

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Основатели

М. АЛДАНОВ и М. ЦЕТЛИН

С 1946-го по 1959-й редактор М. КАРПОВИЧ

Двадцатый год издания

Кн. 65

Нью Йорк

1961

THE NEW REVIEW

РЕДАКЦИЯ:

Р. Б. ГУЛЬ, Ю. П. ДЕНИКЕ, Н. С. ТИМАШЕВ

NEW REVIEW, September 1961
Quarterly, No. 65

2700 Broadway, New York 25, N. Y.

Subscription Price \$9. — for one year

Publisher: New Review, Inc.

Second Class Mail postage paid
at New York, N. Y.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>Л. Ржевский</i> — Через пролив	5
<i>Д. Кленовский</i> — Стихотворения	28
<i>Д. Мережковский</i> — Св. Иоанн Креста	31
<i>Вл. Корвин-Пиотровский</i> — Калифорнийские стихи	62
<i>Вл. Варшавский</i> — Мечтание	65
<i>Н. Туроверов</i> — Конь (стихи)	91
<i>Р. Плетнев</i> — О животных в творчестве М. Ю. Лермонтова	94
<i>К. Померанцев</i> — Два стихотворения	110
<i>Д. Гольдштейн</i> — Переделка писем Достоевского	111
<i>Ирина Одоевцева</i> — Стихотворения	121
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:	
<i>Ю. Анненков</i> — Воспоминания о Ленине	125
<i>Андрей Седых</i> — И. А. Бунин	151
<i>Б. Одинцов</i> — Высшая школа в 1918-22 годах	198
<i>И. С. Ильин</i> — Комуч	221
<i>К. Вендзягольский</i> — Савинков и Керенский	242
ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:	
<i>Н. Нижальский</i> — Эволюция Павлова	248
<i>Ю. Денике</i> — Труд поработенной мысли	255
<i>Н. С. Тимашев</i> — Сталинский террор и перепись 1959 года	266
<i>В. Вейдле</i> — Похороны Блока	270
СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:	
<i>Проф. Б. С. Ижболдин</i> — Русские историки о татарском иге	277
<i>Александр Билимович</i> — О бюллетене русской зарубежной печати	281
БИБЛИОГРАФИЯ:	
<i>Ричард Пайпс</i> — А. Walicki. Osobowość a historia. <i>Вл. Варшавский</i> — «Воздушные пути». <i>Артур Адсон</i> — A. Rannit. Verse an Wiiralt und an das Geklaerte Gleichnis. <i>Л. Алексеева</i> — Олег Ильинский. Стихи. <i>Н. Тимашев</i> — И. Курганов. Нации СССР и русский вопрос. <i>Юрий Арбатский</i> — Очерки по истории первого московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. <i>Роман Гуль</i> — Игорь Чиннов. «Линии». <i>Роман Гуль</i> — Л. Ржевский. «Показавшему нам свет». <i>Л. Алексеева</i> — Н. Белавина. «Синий мир»	284
Книги для отзыва	304

ПЕРЕДЕЛКА ПИСЕМ ДОСТОЕВСКОГО

В связи с исполнившимся в 1956 году семидесятипятилетием со дня смерти Ф. М. Достоевского, после перерыва в 25 лет, в 1959 г. вышел четвертый и последний том его «Писем».² Для исследователей творчества Достоевского из всей юбилейной литературы этот том наиболее важен, так как письма, собранные в нем, раскрывают характер и мысли великого писателя, как в период наивысшего развития его художественного таланта («Братья Карамазовы»), так и на закате его жизни (1878-1881).

Советские партийные критики считают этот период творчества Достоевского «самым реакционным». И поэтому естественно, что многие из достоевсковедов сомневались, что этот том «Писем» когда-нибудь увидит свет. Уже поэтому стоит горячо приветствовать его появление. Причем надо отметить и то, что редактором этого тома был не кто иной, как заслуженный достоевсковед А. С. Долинин, тот самый, который редактировал и три предыдущие тома. А это должно было явиться своего рода гарантией не только стилистической и технической целостности работы, но — что гораздо важнее — и точности воспроизведения текстов.

Правда, трудно было понять необычайную оттяжку появления этого тома: он должен был выйти в 1957 г., а вышел только в начале 1959 г. Еще удивительнее указание, напечатанное в конце этого тома: «Сдано в набор 15/IX 1956 г. Подписано к печати 6/I 1959 г.». Конечно, можно предположить, что это явилось результатом тщательной подготовки весьма сложного текста и стремления избежать в нем даже малейших неточностей. Но теперь, по выходе книги, невольно закрадывает-

¹ По-английски эта статья появилась в "The American Slavic and East European Review". V. XX. Автор настоящей статьи, Д. Гольдштейн, готовится докторскую диссертацию на тему «Достоевский и евреи». РЕД.

² Ф. И. Достоевский. «Письма: 1878-1881», под редакцией и с примечаниями А. С. Долинина. Гослитиздат, Москва, 1959.

ся подозрение, что всё это долгое время было использовано совсем для других, и гораздо менее похвальных целей.

Как и три предыдущие тома, том IV предназначен только для узкого круга специалистов, о чем свидетельствует и его тираж в 5.000 экземпляров. Во вступительной статье редактор указывает, что «основные приемы воспроизведения текстов в данном томе те же, что в предыдущих томах». Но нас, конечно, интересует основной вопрос: **т о ч н ы л и в о с п р о и з в е д е н и я т е к с т о в ?** Вот что по этому поводу пишет Долинин в своем редакторском предисловии, сравнивая «Полное собрание писем» с первым сводом писем, вышедшем под редакцией Страхова и Миллера (стр. XIX): «Н. Страхов и другие редакторы первого свода писем... подбирали письма намеренно односторонне, подвергали их обработке в соответствии со своими общественно-политическими воззрениями или личными задачами и целями... **Н а ш е й п е р в о й з а д а ч е й б ы л о т о ч н о е в о с п р о и з в е д е н и е т е к с т о в**» (подчеркнуто мною, Д. Г.).

Но несмотря на эти заверения, к нашему глубокому сожалению, приходится констатировать, что тогда, как первые три тома верны подлинникам, с IV томом дело обстоит совсем иначе.

Внимательное прочтение писем этого тома обнаруживает (и только в одной области — отношение Достоевского к евреям) искажение оригинального текста, главным образом, методом пропусков. Из девяти писем, в которых мы установили расхождения с оригиналом, четыре (№№ I, III, IV, VII), как будет видно ниже, подверглись существенным искажениям (пропуски — от 12 до 19 строчек). В остальных — пропуски меньше, но зато эти пропуски очень важны, и есть один случай произвольной замены одного слова другим, более мягким (№ II). Во всех случаях, кроме трех, пропуски «указываются» тремя точками, но это совершенно ничего не говорит читателю, потому что сам Достоевский часто употребляет троеточие. Долинин же нигде не указывает на троеточие, как на редакторский пропуск.

Эти установленные искажения писем заставляют нас сделать соответствующий вывод: стало быть, была тайная и преднамеренная попытка что-то скрыть от исследователя; в данном случае — отношение Достоевского к евреям. Ибо поскольку возможно было установить, из этого свода более чем трехсот писем был изъят исключительно материал, содержащий пренебрежительные, недружелюбные или оскорбительные заме-

чания по отношению к евреям (в этом случае был изъят и второстепенный материал, не касающийся евреев, но синтаксически неотделимый от основного текста).

За исключением одного очень важного письма от августа 1878 года к Пуцыковичу, редактору «Гражданина», остальные восемь писем, искаженные в томе IV, были написаны Достоевским в июле-августе 1879 года из Берлина и Эмса. Из них семь адресованы жене, Анне Григорьевне, и одно К. П. Победоносцеву, прокурору Святейшего Синода. Как известно, в 1878-1879 гг. Достоевский работал над «Братьями Карамазовыми». Заметим, что нельзя полностью понять антисемитские элементы в этом романе, не ознакомившись со внутренним миром и мыслями Достоевского, которые так ярко выражаются в его письмах этого периода. Из вариантов писем четвертого тома исчезли бесследно все замечания об евреях и, следовательно, ключ к пониманию отдельных эпизодов романа.

Первая задача этой статьи — восстановить для исследователя те места из оригинальных писем Достоевского, которые вычеркнуты чьей-то «ревнивой рукой». Эта задача осуществима только благодаря тому, что эти письма были ранее опубликованы в трех книгах: 1. «Московский Сборник», под ред. С. Шарапова, Москва, 1887,³ стр. 6-15, где были впервые опубликованы несколько писем Достоевского к Пуцыковичу; 2. «Красный Архив», Москва-Петроград, том II, 1922, стр. 240-255, где впервые были опубликованы 6 писем Достоевского к Победоносцеву; 3. «Письма Ф. М. Достоевского к жене», под ред. В. Ф. Переверзева, Москва-Ленинград, Госиздат, 1926.

В письмах, которые мы приведем, всё вычеркнутое в четвертом томе берется в прямые скобки []. Круглые скобки () принадлежат везде Достоевскому. Под каждым письмом нами указаны номер письма и страницы п е р в о г о издания, а в круглых скобках даются номер письма и страницы в томе IV.

I

В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

Старая Русса, 29 августа 1878 г.

...Ваш анекдот о том, как Вы послали Мезенцеву анонимное письмо Одесских социалистов, грозивших Вам смертью за то, что Вы против социализма пишете — верх оригиналь-

³ В томе IV ошибочно указан год «1888».

ности. Вам ничего ровно не ответили и письмо Ваше кануло в вечность — так, так! [Кстати: убедиться ли они наконец, сколько в этой нигилятине орудует (по моему наблюдению) жидков, а может и Поляков. Сколько разных жидков было еще на Казанской площади, затем жидки по Одесской истории. Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то-же явление: жида страшно участвуют в социализме, я уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он *status in statu*, составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жида.] — Статьи нашей печати об убийстве Мезенцева — верх глупости....

[Московский сборник, № II, 8 (№ 642, 36)]

II

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Берлин 22 Июля (3 Августа) 1879

...Когда пересели на немецкую дорогу рекомендовался мне один [жидок]⁴ доктор, из Петербурга, лет 50 (друг Тицнера, служит в Максимил. лечебнице, едет в Висбаден от ревматизма) — очень меня развлекал дорогою и служил мне переводчиком с немцами....

[П е р е в р з е в, № 133, 245 (№ 671, 70)]

III

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс, 28 Июля (9 Августа) 1879

...Вещи здесь страшно дороги, ничего нельзя купить [все жида]. Купил бумаги (писчей) и перьев гадчайших, заплатил чортову кучу, точно мы где нибудь на необитаемом острове. [Здесь все жида. Даже в наехавшей публике чуть не одна

⁴ В оригинальной версии один жидок доктор, а в версии 4-го тома один [еврей] доктор, причем слово еврей взято в угловые скобки, которые обозначают вставку от редактора.

треть разбогатевших жидов со всех концов мира. Из русских хоть есть имен тридцать (по Кур-листу), но все имена неизвестные, какой-то Семенов из Петербурга, какой-то князь Мещерский (но не наш). Кажется здесь Чичерин. Есть несколько княгинь и графинь с семействами (Долгорукая, Оболенская, Радзивил) — но все это незнакомые. Затем все остальные русские имена, в большинстве, из богатых русских жидов. Рядом с моим № в d'Alger, дверь об дверь, живут два богатых жида, мать и ее сын, 25-летний жиденок — и отравляют мне жизнь: с утра до ночи говорят друг с другом, громко, долго, беспрерывно, ни читать ни писать не дают. Ведь уж кажется она его 25 лет как родила, могла бы с ним наговориться в этот срок, так вот нет-же говорят день и ночь, и не как люди, а по целым страницам (по немецки или по жидовски) точно книгу читают: и все это с сквернейшей жидовской интонацией, так что при моем раздражительном состоянии это меня всего измучило. Главное не церемонятся, говорят почти кричат, точно они одни в отеле.] Принялся вчера за работу...

[Перевезев, № 136, 251-2 (№ 675, 78)]

IV

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс, 30 Июля (11 Августа) 1879

...Продавец купец [(подлец жид)] говорит мне: а вы спрашивали про ваш зонтик в полиции? — Да где ж в Курзале полиция? — А там есть отделение. А я и не знал. Пошел, спросил и мне тотчас же возвращают потерянный зонтик, давно уже прибрали. Какова досада! Я предлагал 2 марки мерзавцу купцу, чтоб взял назад зонтик и возвратил назад 12 марок, не согласился. Решительно несчастье, только деньги выходят. [3-е приключение с жидами моими соседями в Hôtel d'Alger. Четверо суток как я сидел и терпел их разговоры за дверью (мать и сын), разговаривают страницами, целые томы разговора, беспрерывно, без малейшего промежутка, а главное — не то что кричат, а визжат, как в кагале, как в молельной, не обращая ни малейшего внимания что они не одни в доме. Хоть они и русские (богатые) жида, но откуда то из Зап. края, из Ковно. Так как уже было 10 часов и пора была спать, я и крикнул, ложась в постель: «Ах эти проклятые жида, когда же дадут спать!» На другой день входит ко мне хозяйка, M-me Vach и говорит что ее жида призывали и объявили ей что мною

обижены, что я назвал их ж и д а м и и что съедут с квартиры. Я ответил хозяйке, что и сам хотел съехать, потому что замучили меня ее жида: ни прочесть, ни написать, ни размыслить ни о чем нельзя. Хозяйка испугалась моей угрозы ужасно и сказала что лучше она жидов выгонит, но предложила мне переехать на верх, там через неделю очистится у ней прекрасная квартира. Я знаю эту квартиру, действительно хорошая и к тому же двумя талерами в неделю дешевле. Я согласился, жида же хоть и не перестали говорить и продолжают говорить громко, но зато перестали кричать и мне пока сносно.] Ну вот мои приключения....

[П е р е в е р з е в, № 137, 254 (№ 679, 82)]

V

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс, 4 (16) Августа 1879

...Мне, Аня, здесь невыносимо тяжело и гадко, почти не легче и не гаже каторги, которую я испытал. Без п р е у в е л и ч е н и я говорю. Один, ни лица знакомого, [напротив все такие гадкие жидовские рожи]. Хоть и редко, но слышен иногда русский говор, но кто эти русские — никто не знает, все из окраин России.... Лиличка пишет премило, все письма ее берегу и всегда поцелую. [Жида меньше меня беспокоят, но кажется я наверно переселюсь наверх в другую квартиру.] Все боюсь припадка....

[П е р е в е р з е в, № 139, 258-9 (№ 681, 86-7)]

VI

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс, 7 (19) Августа 1879

...Кажется здесь уже начинают разъезжаться. [Жида мои соседи выезжают на будущей неделе и я квартиру не перемещаю.] Музыка здесь хотя и хороша...

[П е р е в е р з е в, № 140, 262 (№ 682, 90)]

VII

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Эмс, 9 (21) Августа 1879

...Нынешний же приезд самый ужасный: многотысячная толпа всякого сброду со всей Европы (Русских мало, и все какие-то неизвестные из окраин России) на самом тесном пространстве (ущелье), не с кем ни одного слова сказать, и главное — все чужое, все совсем чужое — это невыносимо. И так вплоть до нашего сентября, т. е. целых 5 недель. [И заметьте: буквально на половину жидов. Еще в Берлине я заметил проездом Пуцковичу, что по моему взгляду Германия, Берлин по крайней мере, жидовится. И вот здесь в «Моск. Ведомостях», прочел выдержку из одной только что появившейся в Германии брошюры: «где же тут жид?» Это ответ одного жида же одному немцу, осмелившемуся написать, что Германия жидовится ужасно во всех отношениях. «Нет жида», отвечает брошюра, и везде немец, но если нет жида, то везде влияние еврея, ибо, дескать, еврейский дух и национальность выше германской, и действительно привили к Германии «д у х с п е к у л я т и в н о г о р е а л и з м а» и проч., и проч. Таким образом, мой взгляд оказался верным; немцы и жида сами об этом свидетельствуют. Но помимо спекулятивного реализма, который и к нам рвется], Вы не поверите как здесь все бесчестно, т. е. в торговле по крайней мере....

[К р а с н ы й а р х и в,¹ № 2, 244 (№ 686, 94)]

VIII

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс, 10 (22) Августа 1879

...Эту каторгу почти уже нельзя выносить больше, каждый раз как я прежде бывал в Эмсе, всегда находились какие нибудь знакомые русские — нынче никого и все подлейшие [жидовские и английские] рожи и все молчание и уединение.... А рожи и морды на ваннах, особенно женские, [а жида и жидовки,] а толпа, а давка — чорт знает что такое!..

[П е р е в е р з е в, № 141, 263-4 (№ 687, 95-6)]

IX

А. Г. ДОСТОЕВСКОМ

Эмс, 16 (28) Августа 1879

...Но только никогда в России не было таких мошенников-купцов какие теперь в Германии. [Все жида, всем завладели жида и мошенничают без предела, буквально мошенничают.] Пишешь, что очень думаешь о моем здоровье....

[П е р е в р з е в, № 144, 270 (№ 691, 102)]

Основываясь только на пропусках в приведенных девяти письмах, было бы слишком смело заключить, что большинство писем четвертого тома подверглись тоже каким-то изменениям. Почти половина трехсот писем в этом своде публикуется впервые; при невозможности доступа к рукописям их, конечно, нельзя проверить. Другая часть писем была опубликована, но эти письма рассеяны по малодоступным (особенно на Западе) газетам, журналам и сборникам. Тем не менее, нам все-таки удалось сверить тексты большинства из этих писем с более ранними публикациями и, за исключением девяти отмеченных выше, мы не нашли в них никаких изменений или пропусков. Таким образом, надо признать четвертый том ценнейшим и достоверным вкладом в область достоевсковедения.

Но как же оправдать такое явное отступление от требований академической честности по отношению к девяти письмам? Невольно поднимается вопрос: несет ли в советских условиях ответственность А. С. Долинин как редактор? Здесь стоит вспомнить, что Долинин сам писал в предисловии к первому тому писем (1928, стр. 12) и что он повторяет в предисловии к четвертому тому о своде писем Страхова и Миллера (1883): «А над теми (письмами), которые там помещены, старательно работала чья-то ревнивая рука: в надежде... скрыть не только от современников, но и от далеких поколений, строки, абзацы и целые страницы, почему-то и кому-то казавшиеся нарушающими общий фон портретный Достоевского, или, может быть, — обидными в каком-нибудь отношении».

Можно ли предположить, что тот же самый Долинин по своей воле, сознательно — не принуждаемый партийными инстанциями — допустил такую фальсификацию? Кто в ней действительно виноват? И почему была сделана эта переделка писем Достоевского? Мы можем только строить предположения. И как ни неприятно и ни парадоксально наше предположение,

но мы осмеливаемся думать, что только Долинину — и никому другому — можно приписать эту переделку писем.

Мы отклоняем другое, с первого взгляда, может быть, кажущееся правдоподобным, объяснение, что письма, мол, переделаны в связи с тенденцией частичной реабилитации Достоевского в Советском Союзе. Из писем Достоевского вычеркнуты, мол, места, которые показывают читателям отрицательные стороны мировоззрения писателя, и эти места могут оскорбить его память.

Такое объяснение не представляется нам убедительным по двум причинам. Во-первых, том IV предназначается только для узкого круга специалистов. И как таковой, он не может иметь влияния на широкую читательскую массу. Во-вторых, это объяснение не отвечает на такой существенный вопрос: почему исключены только антиеврейские места, в то время как даже резкие нападки Достоевского на социализм и коммунизм оставлены? В конце концов, в письмах есть гораздо больше материала, несовместимого со взглядами партийных критиков, чем враждебное отношение Достоевского к евреям.

Мне кажется, что удовлетворительное объяснение мы должны искать совсем в другой области — в идеях самого Долинина. Никакой другой ученый (за исключением Леонида Гроссмана) не внес такой ценный вклад в изучение Достоевского, как Долинин. Даже в самые черные дни советской реакции он настойчиво защищал писателя от нападков партийных критиков, причем сам подвергался неустанным атакам и долгое время был приведен к молчанию и бездеятельности.

Нам кажется, что в его решительной и смелой защите писателя (может быть, даже как-то идеализируя Достоевского), Долинин постепенно отошел от научной объективности и стал жертвой своих собственных взглядов. Вопреки многим доказательствам противоположного, Долинин утверждает, например, что с 1874 года «начинается 'перерождение убеждений' Достоевского, новый поворотный пункт, противоположный предыдущему периоду 'Бесов' и 'Гражданина' и что он вернулся к юношеским идеалам (утопический социализм, Белинский, Некрасов), которым остался верен до конца своей жизни».⁵

За исключением Гроссмана, Штейнберга и Горнфельда — и до некоторой степени Горького и Заславского — литературные критики, и в России и в СССР, мало занимались вопросом

⁵ Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования, под ред. А. С. Долинина. Ленинград, изд. Академии наук СССР, 1935, стр. 49.

отношения Достоевского к евреям. Само собою разумеется, другие стороны его творчества имеют гораздо большее значение и интерес. Но одно дело ничего об этом не говорить, а совсем другое дело отрицать существование этого вопроса у Достоевского. Во всех работах Долинина мы нашли только одну заметку об антисемитизме Достоевского, который он отвергает.⁶

Вполне возможно, что Долинин на склоне лет (он родился в 1885 г.) считал четвертый том «Писем» завершением труда всей своей жизни, посвященной работе над творчеством Достоевского и, может быть, последним вкладом в дело изучения Достоевского. Отрицательные высказывания Достоевского о социализме и коммунизме могли не очень беспокоить Долинина. Но иначе обстоит дело с отношением Достоевского к евреям. Эта неприятная нота «обидна» для памяти великого писателя, она нарушает общий портрет Достоевского, который в глазах Долинина непорочен. И не пощадив себя как редактора, Долинин, повидимому, полагал, что будущие поколения мало «пострадают» от этих переделок писем, а Достоевский только выиграет от вычеркивания мест, дисгармонизирующих с образом великого художника и мыслителя. Заметим, кстати, что А. С. Долинин — еврей, настоящая фамилия его Искоз.

Правильно или неправильно наше предположение, мы, вероятно, никогда об этом не узнаем. Хотя в интересах русской литературы вопрос о причинах переделок писем Достоевского требует, конечно, ответа.

Д. Гольдштейн

⁶ «Мережковские и Розановы создали себе Достоевского, своего, по своему образу и подобию, использовали его, как орудие классовой борьбы, действительно защищая мракобесие, антисемитизм, поповщину». Там же, стр. 24.